

Керемиса-меч гд. - 2000. - 16 нояб. - с. 10

ТАКОЕ неожиданное открытие сделала доктор филологических наук, член-корреспондент Российской академии наук Наталья Корниенко на основании сорока закрытых ранее документов, которые предоставлены ныне архивом ФСБ России Институту мировой литературы по его просьбе. Вообще архивы в некотором смысле открыты уже давно. Печатаются, например, личные и персональные дела писателей. Интересно, что сейчас в распоряжении ученых оказались материалы оперативной разработки, которые всегда были засекречены, и это их первые публикации.

Платонов, пожалуй, самый интригующий нас писатель. Он, ушедший не так давно, в середине прошлого века, практически наш современник, по-прежнему остается для нас неизвестным — и человеком, и автором. Сложились легенды, выдумали во многом его путь. Возникло необъятное количество домыслов, что вот он так жил. Бывали и очень курьезные истории, например, что Платонов нищенствовал, пил, ему нечем было кормить семью. А на самом деле он примерный производственник, изобретатель, имевший, кстати, 15 патентов (некоторые из них закрыты до сих пор). Платонов рассматривал свои тексты и писал их аккуратно, как инженер. Он не оставил о себе литературных легенд лишь только потому, что никогда не жил в литературе, а увлечен был исключительно интересом производственным, который и лежит в основе его блистательных текстов.

— Нас интересовало в первую очередь, что произошло с его «Техническим романом», — рассказала Наталья Корниенко. — Оказывается, нашумевшая во времена нашей перестройки первая публикация — НКВД-ОГПУшная версия. В свое время органы интересовались только компроматом, поэтому они сделали из оригинального текста Платонова монтаж, некую компиляцию, то есть сами подготовили антисоветский вариант. В романе, к примеру, полностью упразднена любовная линия. Получается, что в скандальных современных открытиях новых (как бы) текстов Платонова «Технический роман» начинается с фразы, написанной сотрудниками органов, которые работали над этим материалом. А все воспринимают

текст как платоновский. И сейчас по той, кастрированной, версии пишутся крупные научные труды. Так что никогда не нужно торопиться. Теперь, к счастью, (благодаря сотрудникам архива ФСБ и прежде всего Владимиру Гончарову) найдена фотокопия, мы имеем более полный вариант текста и публикуем его с выделениями сокращенных мест («СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: проблемы творчества. Выпуск 4-й). Кстати, единственная вещь, которая осталась в архиве практически авторской, без правки — «14 красных избушек», трагедия, написанная о голоде в 30-е годы. Там сократить, видно, было совсем нечего.

— Когда Платонов привлек внимание органов и почему?

— Начиналась разработка Платонова с 30-го года. Он написал тогда «Усомнившегося Макара» и прославился. Текст, как известно, попал на стол к Сталину. Еще Фадеев вспоминал, что ему влетело за двусмысленный рассказ. По архивным свидетельствам, Сталин прислал письмо в «Красную новь» из трех слов: «Дурак, идиот, мерзавец». С этого времени и собирают материалы. Все фиксировалось. Например, про «Чевенгур» стало известно, что он читался в московских литературных кругах. Прочитывали и давали советы. Один из самых замечательных — «напечатать на ротаторе в 100 экземплярах и дать почитать нашим вождям — может быть, вплоть до т. Сталина и других. Это вещь редчайшая острая и редчайше вредная (...) Лучше было бы купить эту вещь у автора и законсервировать лет на десять».

Аккуратно фиксируются рассказы разговоров, везде стоят точные даты. Теперь мы можем достоверно знать, что и когда делал Платонов, например, что в середине 1931 года он жил в проезде Художественного театра.

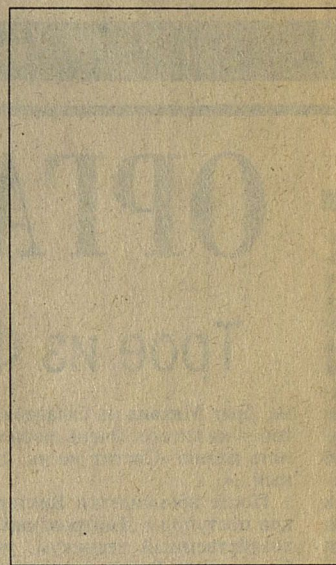
Интересно было узнать, что «Поднятая целина», которая вышла в 1932 году, по мнению Платонова, — единственная честная книга о коллективизации. Любопытна и мысль о том, что он не против коммунистов, а против тех, кто губит страну. Самый удивительный вывод из этих зарисовок — это одномерность восприятия Платонова его окружением, а он, конечно, никак не помещался в одномерной плоскости.

— А видно ли из текстов, каково

ГЛАВНЫМИ БИОГРАФАМИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА СТАЛИ ОСВЕДОМИТЕЛИ НКВД-ОГПУ

Редкая фотография Андрея Платонова. Начало 30-х годов. Из архива ИМЛИ

Неизвестный биограф Платонова.

в то время было отношение к Платонову?

— Люди, сочинявшие заметки для органов, собирали компромат и рисовали все преимущественно со знаком «минус», потому что социальный заказ был такой. Однако пересказывались и общие беседы, и там положительное отношение к нему окружающих очевидно. Например, Павел Васильев (стучал и на Васильева) говорил, что хоть Сталин и назвал Платонова дураком, а «Платонов — это предсказатель, он гениален...»

— Из архивных документов ясно, что докладывали подробности люди, вхожие в дом Платонова, может быть, числящиеся друзьями, те, что пили на его кухне чай с вареньем. Они делали это любительски, или были специально обученные люди, которые по заданию входили в круг?

— История умалчивает. (Смеется.) Однако стиль есть человек и народ. Существуют справки, которые составлялись людьми явно внедренными. Это формализо-

эпохи. Например, книга «Письма в защиту» о том, кто как кого защищал в те страшные годы. Целое издание посвящено делу Вавилова. Специфические знания архивистов ФСБ бесценны. Многие материалы откомментировать могут только они, потому что мы не знаем всех участников событий, а на многих из них тоже есть дела, и там такие открытия! Вообще нужен институт, который стал бы заниматься литературой и авторами XX века. Словом, мы нашли понимание, и они сделали нам все по доброй воле.

— Платонов был человеком закрытым. Он был инженером и изобретателем, всю жизнь на производственной работе. Поэтому и не вел активной жизни в литературных кругах. О нем мало рассказано. Вас как известного исследователя жизни и творчества Платонова что-то лично удивило в этих новых материалах?

— Документы лишь подтвердили мои догадки. Было мнение, что его не пускали в литературный процесс. А он туда и не хотел! Мы только предполагали, но теперь это доподлинно известно и видно из его оценок критиков и писателей тех лет, их поведения. Точны и язвительны его характеристики литературной жизни — «По дворику литературного института бегут одержимые достоинства...» Ему хватало своей жизни.

Мне очень хотелось услышать голос Платонова. И документы его донесли.

«Всю войну я провел на фронте, в землянках. Я увидел теперь по-другому свой народ. Русский народ многострадальный, такой, который цензура у меня всегда вымарывала, вычеркивает и не дает говорить о русском народе. Сейчас мне трудно. (...) Я устал за войну. Меня уже кроют и будут крыть все, что бы я ни написал. Сейчас я пишу большую повесть «Иван — трудолюбивый»: там будет все — и война, и политика. А главное, я как поэму описываю труд человека, и что может от этого произойти, когда труд поется, как песня, как любовь. Хочу написать эту повесть, а потом умереть. Конечно, так как я писатель, то писать я буду до последнего вздоха и при любых условиях, на кочке, на чердаке — где хотите...»

Анастасия ЮРЬЕВА